

Подходы к работе с травлей в школе и школьные службы примирения

ВВЕДЕНИЕ:

Есть разные определения школьной травли, я в данной статье буду понимать под **травлей** **продолжительное подавление одних людей другими, не переходящее в правонарушение** (в случае правонарушений у школы есть отработанный алгоритм действий). Поэтому девиз агрессора – «ты, учитель, мне ничего не сделаешь, попробуй сначала докажи».

При работе с ситуацией травли у медиатора может возникнуть трудность с балансом сил между участниками. Если в криминальной ситуации вина обидчика однозначна (ударил, украл и пр., и это зафиксировано в документах), то в ситуации травли зачастую не просто сформулировать «предъявить» претензии обидчику. Могло не быть явного применения силы, а было множество мелких, но постоянных «доставаний» жертвы. Оправдание обидчиков выражается в словах: «мы просто так играли, а он сам обиделся», «он сам к нам полез», «мы хотели ему объяснить, что так поступать нельзя», «мы много раз ему говорили, и потом пришлось ударить» и т.д. То есть в школьной травле обидчики часто ведут себя так, что по отдельности каждое их действие не выглядит насилием и может быть ими объяснено неудачной шуткой или самозащитой в ответ на оскорбления. Но постоянство насилия и невозможность его избежать (даже взрослому проще поменять работу, чем школьнику школу) создают у отвергаемого ребёнка невыносимое психологическое состояние.

Обидчики часто держатся группой «друг за друга» и им важно «сохранить лицо» перед своей группой, даже если они признают неправоту своего поведения. Поэтому публичное порицание и обвинение обидчиков вынуждает их оправдываться, хитрить и защищаться. Включаются групповой механизм круговой поруки - «своих не выдаем – стукачей-бьем».

Есть различные теории того, как возникает травля в школе, но пока ни одна не подтверждается на 100%. Не исключено, что травля – это многофакторное явление, и каждая теория описывает свой аспект и верна в своих рамках. Приведу несколько взглядов, чтобы было понятно, что и решение проблемы буллинга¹ не может быть односторонним.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУЛЛИНГЕ:

1.

Некоторые исследователи ищут объяснение в особенностях характера школьников (как обидчика, так и жертвы)². Но возможно все не так однозначно: исследователи классифицировали преследователей и жертв, выделив среди них различные группы, но оказалось, что воссоздать типичные портреты агрессора и жертвы не представляется возможным. Если бы буллинг определялся только качествами, то можно было бы детей протестировать, заранее выявить эти качества, затем в ходе тренинга или индивидуальной работы сформировать другие качества, при которых буллинг не возникает. Но однозначно выявить таких качеств не удалось (хотя наличие некоторых из них вместе с другими факторами по-

¹ Поскольку в иностранной литературе используется слово «буллинг» (от bull – бык - англ.), то я буду в данной статье использовать его как синоним слова «травля».

² Например, "скетч-теория" Олвеуса ("sketch theory", Olweus D. Aggressors and their victims: bullying in schools, in N. Frude and H. Gault (eds) Disruptive Behaviour in Schools, Chichester: Wiley. 1984.), а также Stephenson P., Smith D. Bullying in the junior school, in D. P. Tat-tum and D.A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1988.

вышают вероятность буллинга). Давайте посмотрим на некоторые результаты исследования, представленного на конференции в ФИРО Ениколоповым С.Н.³

Жертвы: *склонны дистанцироваться от родителей, обладают внешним локусом контроля. Для них характерна закрытая позиция в общении и нежелание общаться, чувство одиночества и безразличия. Оценивают себя как не способных и не готовых проявлять активность в жизни, несчастных.*

Були (агрессоры): *дистанцируются от родителей, обладают внешним локусом контроля, для них характерна открытая позиция в общении, позитивное отношение к себе и готовность проявлять активность в жизни.*

Сторонние наблюдатели: *близкие отношения с родителями, внутренний локус контроля, открытая позиция в общении, открытая позиция в общении, позитивная оценка себя и готовность проявлять активность в жизни.*

Во-первых, раз агрессоры дистанцируются от родителей то вызывать родителей в школу для воздействия на агрессоров малоэффективно. Скорее это может еще усилить и так большую дистанцию между родителями и их ребёнком.

Во-вторых, агрессоры и «сторонние наблюдатели» отличаются только взаимоотношениями с родителями. То есть, возможно не внутренние качества, а именно взаимоотношения со значимыми людьми играют главную роль в «становлении» агрессора. Другое исследование⁴ показало, что чем богаче родители, тем реже их ребенок подвергается агрессии и становится жертвой буллинга – значит не только во внутренних качествах дело.

В-третьих, было отмечено, что часто у агрессоров хорошие отношения с учителями, поскольку агрессоры активны, хорошо общаются и пр. Такие школьники нравятся учителям, им легко поручать общественную работу. Другие исследования показывают⁵, что агрессоры (булли) имеют более высокий статус среди сверстников, раньше и успешнее начинают общаться с противоположным полом. Означает ли это, что агрессоры (осознанно или неосознанно) поддерживаются своим окружением? Насколько окружение влияет на появление и развитие буллинг-процесса?

2.

Давайте посмотрим на другие исследования, в которых исследователи говорят, что дело в определённой групповой структуре класса (ее еще называют «буллинг-структурой»)⁶. Выделяют разные позиции, например такие:

- Преследователи (агрессоры, булли)
- Группа поддержки преследователей (смеются вместе с агрессором, стоят рядом момент травли, придумывают способы травли...)
- Жертвы
- Группа поддержки жертв (кто активно пытается противостоять травле другого человека)

³ Из доклада «Характеристики участников буллинг-процесса» Ениколопова Сергея Николаевича, кандидат психологических наук, профессор, зав. кафедрой криминальной психологии факультета юридической психологии МГППУ, Заведующий лабораторией социологии девиантного поведения и здорового образа жизни детей и подростков ИСО РАО.

⁴ Проведенное академиком РАО, д.п.н, профессором, директором ИСО РАО Собкиным В.С.

⁵ Например, Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться.

⁶ Roland E. Strategi mot mobbing, Stavanger: Universitetsforlaget. 1983. King O., Keise C., Kelly E., Lane D. A. Culture and Child Services, in A. Miller and D.A. Lane (eds) Silent Conspiracies, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1992. Разные авторы выделяют разные позиции, но нам здесь важно, что в фокусе внимания стали отношения в классе, а не личностные особенности участников.

- Нейтральные - сам в конфликте не участвует и отстраняется от него (хотя им плохо от нарушения учебного процесса, срыва уроков, скандалов на уроке и перемене и пр.).
- Провоцирующие - те, кто сам не применяет агрессии, но провоцирует насилие и травлю между другими в своих интересах (делают ставки на победителя, снимают на видео и выкладывают в интернет и пр.)
- Сочувствующие (несогласные с происходящим, но обычно молчащие). Им не нравится происходящее в классе, но они стараются не вмешиваться (возможно, из страха поменяться с жертвой местами), но в результате это воспитывает в них равнодушие, либо они, чувствуя бессилие, становятся «косвенными» жертвами травли.

Такое распределение ролей поддерживает травлю. До тех пор, пока агрессора будут поддерживать окружающие (например, смеяться над его злыми шутками над жертвой), ситуация вряд ли изменится. И наоборот, если обидчику не перед кем себя показать, и его статус среди одноклассников после травли не поднимется, то он у него гораздо меньше желания применять насилие.

Если «сочувствующие» не будут пытаться противостоять травле или «их голоса» будут слабы, то жертве остается в одиночестве против несправедливости. Если никто не будет поддерживать жертву и противостоять нападкам на нее, самой жертве в одиночку выбраться очень трудно. И наоборот, если большая часть группы будет противостоять травле (не обязательно из особого расположения к жертве, а возможно из чувства справедливости), то агрессору придется или прекратить травлю, или идти против большинства, что значительно сложнее.

Хочу обратить внимание, что порой «нейтральные» не вмешиваются, не потому что они сами по себе равнодушны. Как заметил Ольвеус⁷, им приходится выбирать между силой и слабостью (жертвы часто выглядят смешно и жалко), а им не очень хочется ассоциироваться со слабыми; никто не хочет брать личную ответственность за происходящее и просто делать «как все»; страдание жертв повторяется снова и снова и чувство сострадания постепенно притупляется.

Казалось бы, что если класс будет дружным «коллективом», то и буллинг-структура в нем невозможна. Однако, наблюдения показали, что в активном и «дружном» классе может быть «изгой» или «козел отпущения». Можно ли пытаться изменять буллинг-структуру без изменения отношения со стороны взрослых?

3.

Поэтому третья группа исследователей⁸ считает, что большое значение имеет реакция учителей на школьную травлю (в том числе и травля педагогом ребенка). Жертва травли часто ведет себя на уроке «неадекватно» (часто за счет незаметных со стороны провокаций или из-за собственного стресса), что вызывает неприязнь педагогов, а порой и агрессию или натравливание остальных учеников. Это еще больше усугубляет ситуацию жертвы.

⁷ Olweus Bullying Prevention Program, US, 2011.

⁸ O'Moore A. M. Bullying in Britain and Ireland: an overview, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. London: Fulton Books. 1989.,
Besag V. E. Bullies and Victims in Schools, Milton Keynes: Open University Press. 1989.
Arora C. M.J., Thompson D. A. Defining bullying for a secondary school, Education and Child Psychology 4(4): 110-20.1987.

Некоторые педагоги даже поддерживают травлю, считая выживание является подготовкой к взрослой жизни, или что жертва провоцирует агрессию, особенно если активная часть класса поддерживает агрессора и против жертвы, а времени на понимание ситуации нет, поскольку «урок вести надо - ЕГЭ скоро». При этом, как мы уже говорили, симпатии педагогов часто на стороне агрессоров, поскольку они более активны, коммуникабельны, быстрее соображают, пользуются поддержкой класса и так далее, а травля происходит незаметно. Формальная же поддержка педагогом жертвы «не трогайте его» - часто только усложняет ситуацию жертвы и перемещает травлю подальше от учительских глаз (к коридоры, туалеты, за пределы школы или в интернет).

Мало того, некоторые педагоги поощряют травлю, подогревают ее против неудобных им учеников или как средства управления классом.

Приведу пример: однажды мы вели семинар по предотвращению каст одновременно с педагогами и учащимися в одной из закрытых школ, и на семинаре старшеклассники открыто сказали своим педагогам, что педагоги сами провоцирует касты. Например, сказал один из старшеклассников, когда педагог не может организовать класс на уборку и обращается к «лидеру» класса или старшему школьнику, чтобы тот все организовал, разве педагог не догадывается, какими способами будет собрана группа? Разве педагог не догадывается, что все не ограничится уговорами и добрыми словами? Догадывается, но так проще, чем организовывать работу самому. А организовавший работу старшеклассник не забудет напомнить педагогу «об оплате» своего труда в виде «особого расположения» и поблажек. Только когда данная ситуация стала обсуждаться в педагогическом коллективе, им удалось справиться с кастами (нескольким педагогам пришлось сменить место работы). Конечно, это была закрытая школа, что накладывало свой отпечаток, но давайте присмотримся к своим общеобразовательным и проанализируем: какие действия педагогов противодействуют кастам и травле, а какие наоборот способствуют⁹.

Кроме того, бывают и такие случаи (которые почти табуированы и не афишируются), как травля учениками педагога, а также травля педагога со стороны директора или педагогического «коллектива». И от педагога в этом случае сложно ждать конструктивной реакции, агрессия переносится на учащихся. Также бывает травля родителями чужого ребенка или травля родительским комитетом кого-то из родителей, или поддержка травли у своих детей «давайте вместе выгоним этого мешающего всем учиться ребенка из класса».

4.

На мой взгляд, ситуация может состоять и в том, что некоторые приходящие в класс новички не обладают достаточной чувствительностью, и потому не всегда могут уловить суть сложившихся групповых норм. В результате их действия, вроде бы каждое по отдельности направленное на сближение, но принесенные из прошлого опыта (например, их прошлой школы), приводят к разрушающему результату. Одноклассники начинают их воспринимать как враждебные и активно им противодействовать. Не понимая знаков недовольства, новичок (часто при поддержке односторонне видящих ситуацию своих родителей) болезненно реагирует уже в ответ на действия класса, а класс (считая, что и так уже все ясно и новичку давно пора бы все понять) усиливает давление. Конфликт накаляется и развивается.

⁹ Это не означает, что многие педагоги специально создают травлю (хотя и такое случается), скорее если собрались ученики с определёнными чертами характера, в классе сложился определённый тип отношений (буллинг-структура), то действия педагога могут стать еще одним фактором, способствующим развитию процесса травли.

Рассмотрим немного подробнее развитие процесса травли.

БУЛЛИНГ КАК ПРОЦЕСС ПОГРУЖЕНИЯ В ПРОБЛЕМУ И ВТОРИЧНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ

В буллинг ее участники входят постепенно. Сначала начинаются стычки между несколькими учениками (агрессорами и жертвами), постепенно в нее включаются другие ученики класса – чтобы поддерживать ту или иную сторону, чтобы не оказаться «вне коллектива» и так далее. Жертва, защищаясь, начинает резко отвечать обидчикам (что трактуется как агрессия) или жаловаться (что трактуется как ябедничество). Класс делится на несколько групп (по своему отношению к происходящему). То есть процесс травли идет по нарастающей с переплетением позиции жертва-обидчик. Жертву начинают провоцировать (это не сложно, поскольку жертва находится в стрессовом состоянии). Первоначальная травля со стороны группы ровесников и резкая реакция жертвы травли вызывает неприязнь у других одноклассников, чувство отверженного еще более обостряет эмоции и деструктивные реакции жертвы на уроках – на что начинают резко реагировать учителя, а затем и родители учеников класса. От жертвы травли хотят избавиться не только одноклассники, но и некоторые родители (поскольку он «ведет себя неадекватно», чем мешает их детям учиться), и некоторые педагоги (поскольку он мешает им на уроках). Травля переносится на родителей ребенка-изгоя (как «не умеющих воспитывать ребенка»), которые в ответ на постоянные претензии педагогов начинают защищать его и себя, на что подключается администрация. Теперь родители жертвы отстаивают своего ребенка вопреки его агрессивным действиям, поскольку видят что справедливость не восстанавливается. и их ребенка никто не поддерживает. Начинается конфликт между родителями жертвы и школой, которая «не обеспечивает» безопасность ребенка, направляются жалобы в вышестоящие органы родителей и на школу. Воронка эскалации расширяется. Попытки уладить ситуацию со стороны администрации часто сводятся к поиску виноватого, и к тому, что виноваты оба, а также к угрозе наказанием. Это все усиливает давление на жертву. Подросток реагирует все агрессивнее, с применением силы, постепенно из жертвы превращаясь в обидчика – ему жестко отвечают – и он опять жертва. Теперь те, кто раньше пытался в классе его защищать, сами оказываются перед выбором – как относится к его агрессии и на чью сторону встать. Некоторые школьники (и со стороны обидчиков, и со стороны жертв) начинают использовать конфликт взрослых в своих интересах, манипулируя сообщаемой взрослым информацией и угрожая жалобами родителей. Каждая из сторон конфликта стремиться привлечь побольше сил «в свой лагерь» – полицию, КДНиЗП (или органов опеки), СМИ и пр.

Например, в одной школе мальчик, ранее воспитывавшийся в детском доме, придя в общеобразовательную школу, стал мешать классу и учебе. Его отвергает часть одноклассников и часть учителей. В ответ он совершает разрушительные действия (отвлекается на уроке, дерется), и против него объединяется значительная часть класса. Ему администрация дает «испытательный срок», в ходе которого некоторые одноклассники (видимо, при поддержке своих родителей) стараются его «вывести из себя», чтобы продемонстрировать педагогам отсутствие его исправления и таким образом избавиться от него. То есть, фактически они его провоцируют на агрессию. То есть жертва «оказывается» обидчиком, который в одиночку мешает всему классу, потом вновь оказывается «жертвой», потом он снова проявляет агрессию и так далее.

РЕАГИРОВАНИЕ ШКОЛЫ НА ТРАВЛЮ (БУЛЛИНГ)

Часто основным способом реагирования на буллинг является поиск виноватого. Учитель? Класс? Ребёнок? Администрация? Семья? Каждый говорит про других, снимая с себя от-

ветственность. Выслушивать и разбираться в хитросплетениях всей этой давно тянувшейся истории у администрации нет ни времени не сил, и хочется «одним ударом разрубить узел», например, привлекая правоохранительные органы

Однажды ко мне обратилась женщина по поводу издевательств одноклассников над ее дочерью в школе. Женщина просила, чтобы мы провели примирительную встречу, поскольку другие методы работы (администрации и социального педагога) в течение длительного времени результата не принесли. Я согласился на проведение при условии, что нам будет оказана поддержка со стороны администрации. В противном случае все самые добрые и успешные начинания (и подростков, и наши) будут загублены «на корню» хотя бы в целях сохранения администрацией своего статуса, мы с такой ситуацией уже сталкивались.

Администрация была не против программы, пока ожидала, что мы придем, «взмахнем волшебной палочкой» и все наладится, а от нее наше участие усилий не потребует. Но поскольку мы рассматриваем администрацию как одну из сторон конфликтной ситуации, мы настаивали на встрече с социальным педагогом, завучем и директором.

В результате администрация отказалась от встречи с нами под предлогом того, что у нее хорошие контакты с милицией, к которой они обратятся, и что все можно решить, если надавить на родителей. А до сих пор этого не сделали, поскольку конфликт не заслуживает особого внимания: дети есть дети, сами разберутся.

Я хочу подчеркнуть следующий момент. Обратите внимание на схожесть поведения и детей и администрации. Как только случается сложная ситуация (будь то аутсайдер в классе или конфликт в среде подчиненных), и та и другая сторона обращаются к насилию. Только дети это делают непосредственно, а администрация официально, с помощью милиции и родителей. И те и другие не берут на себя ответственность за решение ситуации, не считают ее своей. И пока школьники видят у взрослых силовой, насильственный путь решения проблем (не только видят, но и чувствуют его результаты на себе) странно думать, что они будут показывать образцы человеколюбия, толерантности и взаимопонимания.

Видимо прекратить травлю возможно, изменяя все элементы этой системы, а не какой-либо из них. То есть на начальном этапе, когда в процесс не втянулись другие ученики, родители, педагоги, администрация изменения и возможны локальными вмешательствами во взаимоотношения участников первичного конфликта.¹⁰

Но если конфликт разросся и захватил множество участников в разных сферах (детско-родительские отношения, отношения родителей с педагогами, общение участников публично в интернете), то и в решение надо вовлекать всех участников «разросшейся» ситуации

НА ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ОСНОВАНА ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ АНТИБУЛЛИНГОВАЯ ПРОГРАММА?

1. На признание факта травли и негативных последствий этого для всех втянутых в нее участников (включая администрацию, родителей, учителей).

¹⁰ Первичный конфликт - конфликт между непосредственными участниками ситуации (как правило, обидчиком и жертвой).

Вторичный конфликт – конфликт опосредованных участников (родителей, администрации, одноклассников, специалистов) по поводу вариантов выхода из ситуации или из-за отношения к участникам конфликта.

2. На прояснении происходящего (поскольку травля – скрытый процесс, и без понимания происходящего с разных сторон сложно принимать адекватные решения)
3. На обсуждении ситуации с участием всех людей, вовлечённых в буллинг-процесс и в процесс реагирования на него.

Но какие вопросы должны ставиться на этом обсуждении в отличие от привычных педагогических советов? Некоторые авторы говорят, что административно-карательное реагирование педагогов на факты травли не снижают ее, а иногда и увеличивают. Поскольку травля малозаметна (заметны только ее проявления), то привлечь обидчиков и указать им на нарушение правил школы бывает очень непросто. Травля как бы на грани между злыми шутками и правонарушением. А главное, что постоянная смена позиций обидчик или жертва (кто на что ответил) не дает возможности восстановить справедливость через поиск виноватого и его наказание. Часто кто первый написал заявление, тот и является жертвой. Как мы уже говорили, обидчики не боятся вызова родителей, поскольку родители не оказывают на них сильного влияния.

Поэтому надо не просто ставить не вопрос, как решить ситуацию, а развернуть его в вопросы:

- кому в ходе всех трагичных событий был причинен вред?
- к каким последствиям это привело?
- Кто и как их участников может эти последствия исправить?
- Как укрепить положительные тенденции, итоги, договоренности?

Вести такое обсуждение должен человек, умеющий организовывать коммуникацию в сложных, эмоционально напряженных ситуациях, и знающий процедуру медиации, Круга сообщества или других восстановительных программ.

Поскольку люди (как уже говорилось) втягиваются в буллинг-процесс постепенно, то и выход из буллинга вряд ли возможен какими-то одномоментными действиями. Даже уход ребенка-жертвы из школы не гарантирует, что в новой школе не будут его травить, или что обидчики не выберут новую жертву в классе их оставшихся.

Скорее речь идет о том, что выделяется группа людей (взрослых и школьников), которая для противостоянию травли совершает согласованные действия, и в течение некоторого времени (может быть продолжительного), ситуация выправляется.

Вернемся к примеру с мальчиком, пришедшим в школу из детского дома.

В ходе обсуждений с медиаторами службы примирения мы также поняли следующее:

В классе не было никого, кто бы за него заступался. Поэтому мы спросили, кого он считает своими друзьями. Он назвал двоих одноклассников, но которые то заступались, то наоборот примыкали к гонителям. Поэтому первой задачей было поддержать их взаимодействие, чтобы он не был один против всего «мира», чтобы вокруг него были те, кто его поддерживает (а не попытка сразу изменить отношение обидчиков).

У него не оказалось определенных навыков взаимодействия, которые есть у других одноклассников, но зато у него есть другие навыки, которые ему помогали в другой ситуа-

ции – например, не сломаться в детском доме или «выжить» при переезде в другую среду. То есть нельзя сказать, что его навыки «вообще плохие» - просто в этой школе они оказались неуместные. И это можно обсудить с ним и с остальными учениками.

Он мешает учительнице вести урок и поэтому она не прощает ему то, на что у других «закрывает глаза». Некоторые ученики воспринимают такую реакцию учительницы как разрешение им быть агрессивными к подростку, а другие начинают провоцировать на агрессию. Некоторые учителя не замечают (или не хотят замечать) как их негативное отношение влияет на мнение других учеников. Это тоже возможная тема для обсуждения.

Поведение ребенка-изгоя не соответствует социальным нормам (ожиданиям) этой конкретной группы. Но в разговоре группа не смогла четко сформулировать эти нормы, они с подростком-изгоем не обсуждались, вроде «он и сам должен понять». Но у подростка затруднена как раз способность к пониманию других людей, в том числе таких тонких элементов поведения как намеки, осуждение, изоляция и принятие, уместность того или иного действия, «расшифровка» эмоционального состояния другого человека.

В этой ситуации всем важно было «сохранить свое лицо». Поэтому в ответ на неприятное для него поведение других ребят он не молча терпел, а отвечал им, и достаточно агрессивно. Но реагировать спокойно на внешнюю агрессию может только человек, чувствующий себя в безопасности, владеющий приемами саморегуляции, не находящийся в стрессе. Поскольку ничего этого не было, то странно ждать или просить от него иной реакции, чем агрессия.

И еще один момент: невозможно строить мосты с одной стороны. Одноклассники говорили, что подросток-жертва начинает меняться и описывали примеры, но учителя (и некоторые другие школьники), по их мнению, этого не видят, а ждут разового кардинального изменения, что «он прекратит так себя вести». И в этом смысле не поддерживают сложный и не быстрый процесс улучшения. То есть, вместо поддержки процесса выхода из ситуации травли, высказываются оценки и требования. Интересно, что некоторые одноклассники, когда говорили о проявлениях агрессии, отмечали: «он ведет себя как обычно», а другие говорили «он ведет себя как раньше» - то есть для некоторых уже видны изменения, а для некоторых еще нет.

С куратором были сформулированы возможные вопросы на

1. Как его способы и ценности помогли ребенку справиться с трудными жизненными ситуациями (детский дом, приход в новую школу и пр.)?
2. Какие у других учеников есть способы справляться с трудными ситуациями?
3. Что из этого он может взять к себе в «копилку»?
4. Кто готов ему в этом помочь?
5. Какой вред и кому приносить эта ситуация?
6. К каким негативным последствиям может привести ее развитие в том же направлении?
7. Кто из вас и что может сделать для ее исправления.

Сейчас, после прояснения вышеперечисленных моментов, одноклассники, входящие в службу примирения (о ней чуть ниже) перестали поддерживать процесс травли и заявляли в классе о недопустимости подобного. Кроме того они говорили учителям о фактах провокации (что «он не виноват»). В результате с одной стороны посвились поддерживающие одноклассники, с другой - поддержка медиаторов службы примирения, а с третьей

понимание ситуации и активные действия самого бывшего изгоя. Постепенно ситуация стала налаживаться и сейчас класс его в основном принимает.

ШКОЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ ПРИМИРЕНИЯ

На наш взгляд конфликт должен быть решен его непосредственными участниками, поскольку только они смогут найти лучшее решение. И если они приняли на себя ответственность за решение, то наверняка его выполнят и больше не попадут в подобную ситуацию.

Нейтральный посредник (медиатор) не судит, не советует, не воспитывает, не защищает, не винит и не принуждает. Медиатор помогает всем участникам снизить эмоциональный накал, услышать и понять друг друга (в чем на их взгляд проблема, какой и кому причинен вред), а также им самим найти выход из конфликтной ситуации и обсудить, как избежать повторения подобного в будущем. Медиатор организует примирительную встречу только при добровольном согласии обеих сторон и в их интересах и потому он предварительно встречается с каждым из участников отдельно. Медиатор в равной степени поддерживает обе стороны в стремлении решить конфликт, потому он легко налаживает с ними контакт.

Для поддержки проведения медиации в образовательном учреждении организуются **Школьные службы примирения**.

В школьную службу примирения входит один или несколько взрослых кураторов, а также до 10 школьников старших классов, поскольку у них лучше взаимопонимание со сверстниками. Все участники школьной службы примирения отбираются и проходят обучение в восстановительной модели медиации. Кураторы взаимодействуют с администрацией и местной ассоциацией медиаторов.

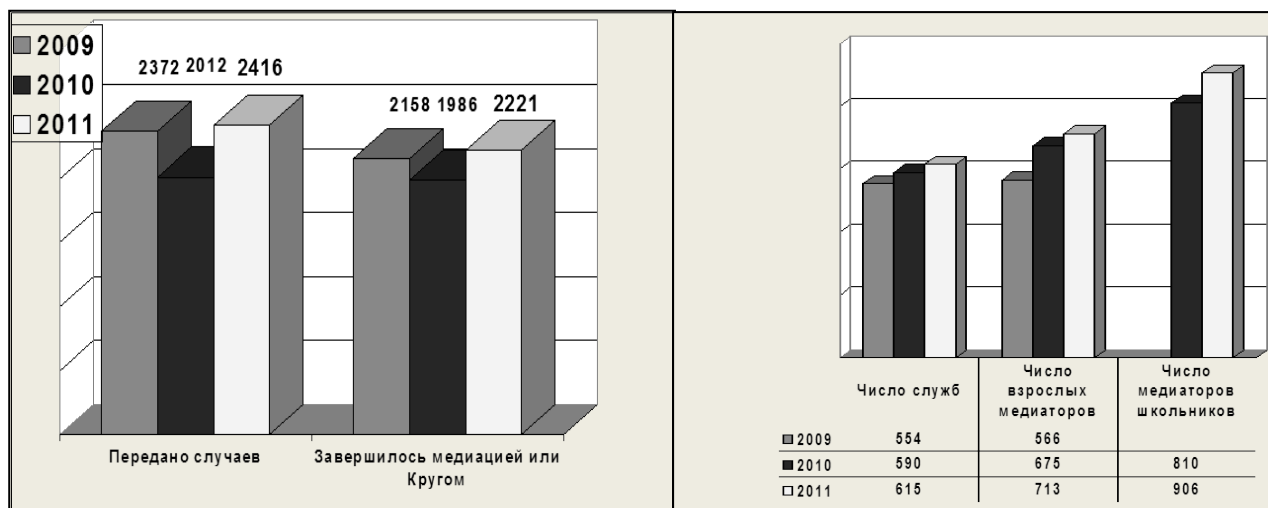
Служба примирения стремится, чтобы максимальное количество ситуаций решались на программах примирения, и чтобы сторонам конфликта в первую очередь была предложено самим найти решение ситуации.

Информация о конфликтных и мелких криминальных ситуациях (кражах, драках, порче имущества) в начале работы службы обычно поступает от администрации и педагогов; в дальней-

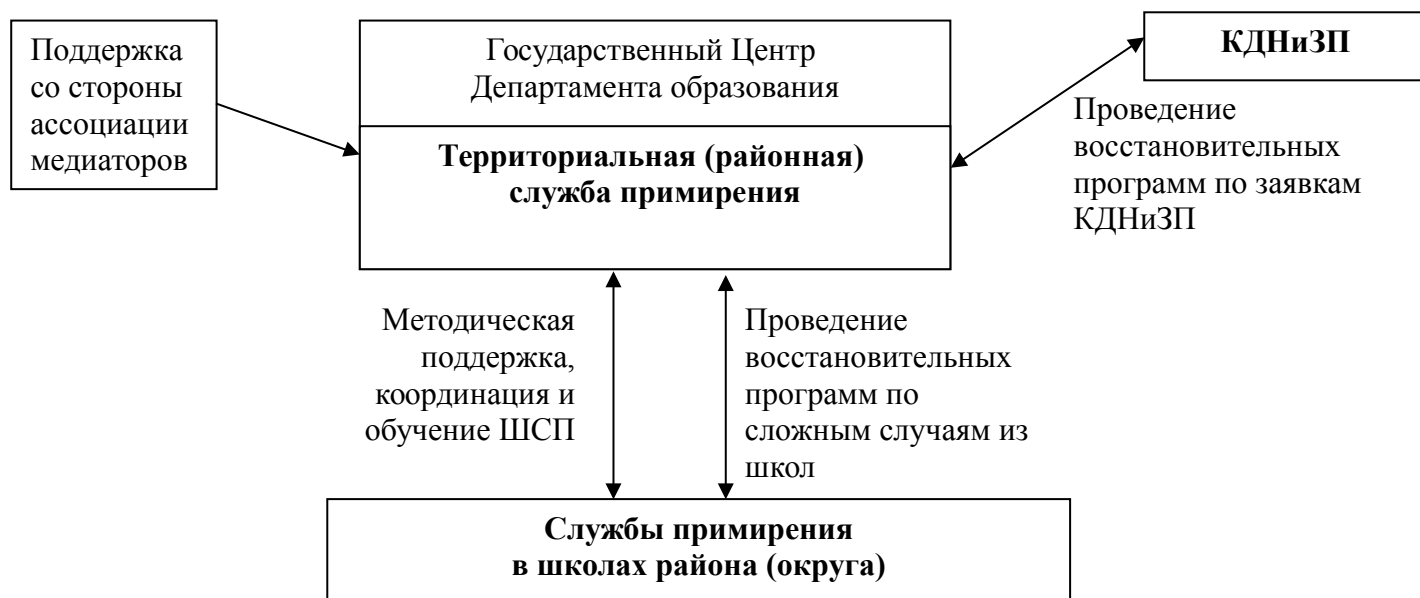
шем, по мере знакомства с деятельностью службы, в нее начинают обращаться школьники и родители. Медиаторы, которые обычно работают в парах, проводят предварительные встречи со сторонами конфликта (по отдельности) и сами примирительные встречи.

В среднем работа по запуску службы примирения и активного проведения ею медиаций занимает приблизительно один год.

Школьная служба примирения основывается на восстановительной модели медиации и опирается на «Стандарты восстановительной медиации» (см. на сайте www.sprc.ru). По данным ежегодного мониторинга 2011 году в России действовали 615 школьных служб примирения, которые за год провели более двух тысяч программ, в которых участвовали более четырех тысяч человек.

Базовой единицей поддержки ШСП является связка между районной службой примирения (обычно на базе социально-психологического центра), проводящей восстановительные программы, региональной ассоциацией восстановительной медиации, Комиссией по делам несовершеннолетних и нескольких школ.

Районные (окружные, территориальные) службы работают по сложным случаям из школ, по обращениям из комиссий по делам несовершеннолетних и полиции, по обращениям граждан района. С другой стороны, эти службы координируют работу служб примирения в районе, поддерживают и обучают медиаторов и кураторов школьных служб примирения, организуют круглые столы и конференции медиаторов, детские фестивали школьных служб примирения, взаимодействуют с прессой и т.п.

Комиссии по делам несовершеннолетних как координирующая организация может выступать инициатором создания районной службы примирения на базе существующих в районе структур (например, государственного центра системы образования).

Также Комиссия по делам несовершеннолетних может рекомендовать школам создавать службы примирения и обеспечивать для этого благоприятные условия, учитывая положительные результаты восстановительных программ в своей работе и в ходе заседания.

Основные программы, применяемые в школьной службе примирения

Восстановительная медиация – встреча конфликтующих «за столом переговоров», в ходе которой медиатор создает условия для взаимопонимания всех участников, и для достижения договора о приемлемых для всех них вариантах разрешения проблем (при необходимости - о заглаживании причиненного вреда). То есть, ответственность за результат встречи лежит на ее участниках.

Медиация может применяться в случаях конфликтов или мелких криминальных ситуаций (краж, драк), межнациональных конфликтах, конфликтах между учениками и учителями, между родителями и администрацией и т.д.

Круги сообщества - программа, работающая с групповыми конфликтами, ситуациями изгоев, для поддержки пострадавших и пр. В ходе нее участники обсуждают свои ценности и вместе берут на себя ответственность за исправление ситуации.

Также возможны челночная медиация, медиация через письма и т.д.

Все они способствуют прекращению вражды, достижению мира и поддержки в сообществе, повышению ответственности у участников, размышлению ими о своем будущем.

*Школьные службы примирения способствуют развитию в школе **восстановительной культуры** взаимоотношений, основанной на глубоком понимании друг друга и бережному отношению среди педагогов, учащихся администрации, родителей и персонала. Возможно это будет альтернативой отношениям травли, давления, манипулирования или применения силы со стороны кого бы то ни было в школе.*

*Коновалов Антон Юрьевич,
Руководитель направления «Школьные службы примирения»
Межрегионального общественного центра «Судебно-правовая реформа»,
Научный сотрудник НИЛ «Ювентальных технологий» МГППУ,
Председатель ассоциации кураторов служб примирения и медиаторов г. Москвы*